
МАРОККО И ЕВРОСОЮЗ: НОВЫЙ УРОВЕНЬ ВЗАИМОТНОШЕНИЙ

К.С. Конкин

Министерство экономического развития
ул. 1-я Тверская-Ямская, 3, Москва, Россия, 125993

Статья посвящена современному состоянию интеграционных процессов между Евросоюзом и Марокко. Рассматриваются объективные предпосылки и движущие силы стремления обеих сторон к более тесному сотрудничеству в рамках евро-средиземноморского процесса.

Ключевые слова: Марокко, Евросоюз, Средиземноморье, сотрудничество, Европейская политика соседства.

Путь к пониманию значения Марокко в евро-средиземноморском процессе лежит через анализ стоящих перед страной приоритетных внешнеполитических целей, достигнуть которые руководство страны стремится посредством сотрудничества со своими соседями.

Рабат проводит достаточно активную внешнюю политику. Ее главная цель — заручиться поддержкой как можно большего числа стран в вопросе об урегулировании конфликта вокруг Западной Сахары — территории, которую королевство считает своей неотъемлемой частью. Этот конфликт начался еще в 1973 г. между Испанией и Фронтом ПОЛИСАРИО, боровшимся за независимость Западной (Испанской) Сахары. В 1975 г. Мадрид передал свое владение под управление Марокко и Мавритании. Последняя в 1979 г. отказалась от притязаний на часть Западной Сахары, чем сразу воспользовался Рабат, объявивший о присоединении к королевству всей ее территории. Военная стадия конфликта завершилась в 1991 г., когда правительство Марокко и Фронт ПОЛИСАРИО заключили соглашение о прекращении огня, за выполнением которого наблюдает миротворческая миссия ООН. В соответствии с решениями ООН народу Западной Сахары должно быть предоставлено право на самоопределение, предполагающее проведение референдума, который до сих пор так и не состоялся.

Другие внешнеполитические задачи Марокко обусловлены, с одной стороны, стремлением обеспечить свои национальные интересы в средиземноморских интеграционных процессах, а с другой — расчетами на помощь ведущих государств мира в разрешении типичных для развивающихся арабских стран проблем (поддержание стабильности, модернизация экономики, борьба с бедностью и др.).

В геополитическом отношении Марокко, несомненно, существует и в европейской системе координат. В этом смысле любой анализ его места в этой системе будет неполным без понимания значения королевства для Евросоюза. Какое же место ЕС отводит Марокко в своей средиземноморской политике? Почему представляется возможным говорить об особом и привилегированном партнерстве? Ответы на эти вопросы следует искать в истоках нынешней политики ведущих европейских государств в Западном Средиземноморье, тем более что они оставили заметный след в истории Марокко — страны, которая, по образному выра-

жению короля Хасана II, «напоминает дерево, корни которого находятся в Африке, а крона тянется в Европу» [10. С. 44].

Истоки и причины сотрудничества между Марокко и ЕС. Важнейшие события прошлого века свидетельствуют о том, что Марокко никогда не оставалось на периферии мировой политики, а было глубоко вовлечено во взаимоотношения западных держав накануне и в ходе обеих мировых войн. Так, стремление кайзеровской Германии к экспансии в Африке наиболее явно проявилось во время марокканских кризисов, поставивших франко-германские отношения на грань вооруженного конфликта. Королевство не осталось в стороне и от событий Второй мировой войны. Высадка англо-американских войск в Марокко и Алжире в 1942 г. (операция «Факел») стала одним из важнейших эпизодов противоборства союзников со странами нацистского блока на африканском театре военных действий. После восстановления независимости в 1956 г. и до окончания «холодной войны» королевству отводилась роль некоего противовеса Алжиру. При поддержке западноевропейских стран Рабат с середины 70-х гг. вел боевые действия с Фронт-ом ПОЛИСАРИО, руководство которого придерживалось тогда марксистских взглядов и получало военную помощь от Алжира.

В настоящее время Евросоюз считает многовекторное сотрудничество со своими южными партнерами по евро-средиземноморскому диалогу необходимым условием для продвижения собственных внешнеполитических интересов в регионе. Задачей такого сотрудничества является превращение Средиземноморья в «зону мира, безопасности и процветания» путем содействия постепенной демократизации политических режимов, модернизации экономик и урегулированию разного рода конфликтных ситуаций на севере Африки. За всем этим стоит растущая обеспокоенность Брюсселя возможным нарушением очень хрупкой и условной стабильности в большинстве государств на юге региона. Неурегулированные межгосударственные конфликты (прежде всего арабо-израильский), разрыв в уровнях социально-экономического развития на севере и юге Средиземноморья, рост численности населения и незаконная миграция — все это превращает регион в потенциальный очаг кризисов и арену возможных столкновений.

В Брюсселе в полной мере осознают, что приход к власти у южных партнеров религиозных экстремистов не только перечеркнет его интеграционные планы, но и создаст новые трудности для стран европейского побережья, уже сегодня вынужденных решать нелегкие проблемы интеграции мусульман и сохранения собственной идентичности. Очевидно, что активизация в Средиземноморье радикальных исламистов представляет непосредственную опасность для властей североафриканских государств, которые видят в них единственную реальную оппозиционную силу. Осознание этой общей угрозы является для Марокко, пожалуй, важнейшим политическим мотивом к углубленному диалогу с ЕС.

Причины заинтересованности Брюсселя в сохранении стабильности в Марокко и его дальнейшей модернизации объясняются также уникальным географическим положением страны, лежащей на перекрестье трансатлантических и межконтинентальных транспортных коммуникаций. Королевство имеет выходы и к Атлантическому океану, и к Средиземному морю. От Европы страна отде-

лена Гибралтарским проливом, ширина которого в самом узком месте составляет всего 14 км. Эта близость делает Марокко привлекательным и для организации незаконного въезда в Европу граждан африканских государств, что заставляет ЕС искать новые формы взаимодействия с королевством в области борьбы с незаконной миграцией и трансграничной преступностью.

Марокканцы не без успеха стараются закрепить за собой ведущую роль в этой сфере сотрудничества ЕС с африканскими странами. В июле 2006 г. в Рабате с участием принимающих стран, стран происхождения и транзита прошла первая евро-африканская конференция по проблемам миграции и развития, на которой было объявлено о выделении Марокко 70 млн евро из бюджета на период до 2013 г., которые предназначаются для реализации государственной программы регулирования миграционных процессов и финансирования мероприятий по противодействию незаконной миграции.

Нельзя не упомянуть о значении стран Магриба, к которым относится и Марокко, для европейского топливно-энергетического комплекса. Страны этой группы удовлетворяют потребности Испании в природном газе на 74%, Италии — на 50%, Франции — на 29%. Марокко не является экспортером углеводородного сырья, однако через его территорию проходит газопровод Магриб—Европа (пропускная способность после модернизации — 20 млрд куб. м в год), снабжающий алжирским газом Испанию и Португалию. Предполагается, что после реализации одного из самых амбициозных международных энергетических проектов — Транссахарского газопровода пропускной способностью 30 млрд куб. м в год — в североафриканскую сеть поступит и нигерийский газ, который транзитом (в том числе и через марокканскую территорию) пойдет в Европу. Все это дает основание утверждать, что растущая энергозависимость ЕС одновременно будет способствовать росту транзитного значения королевства.

Интеграционные усилия Евросоюза находят полное понимание в Марокко. Несмотря на официальную риторику о многовекторности и диверсификации внешней политики королевства, совершенно очевидно, что дальнейшее сближение с ЕС является стратегическим выбором страны. Укреплению сотрудничества с Евросоюзом способствует множество факторов, важнейшим из которых является экономический. Так, доля ЕС во внешней торговле Марокко составляет около 70%, а около 60% страных инвестиций — европейского происхождения. Страны Евросоюза являются основным источником финансовой помощи, государственных и коммерческих кредитов. В ЕС сосредоточена крупнейшая марокканская диаспора — около 3 млн человек, денежные переводы которых покрывают $\frac{2}{3}$ дефицита платежного баланса страны и растут год от года [6. С. 119]. По мнению А. Азулая, экономического советника Мухаммеда VI, прочные экономические связи королевства с Европой, в основе которых лежит Соглашение об ассоциации Марокко и ЕС, позволяют утверждать, что в торгово-экономической сфере Марокко сотрудничает с Евросоюзом так же плотно, как Франция с остальными его членами.

Королевство разделяет и поддерживает установки Европейской политики соседства (ЕПС), в которой марокканцы стремятся зарезервировать за собой осо-

бое, если не исключительное, место. 13 октября 2008 г. на седьмой сессии Совета ассоциации Марокко—Евросоюз состоялось событие, которое без преувеличения можно назвать знаковым для Рабата: было официально объявлено о получении королевством статуса продвинутого членства в его отношениях с ЕС. По своей значимости для будущего международного положения страны это стало одним из важнейших событий с начала нового тысячелетия. Выход на такой уровень интеграции был подготовлен всей послевоенной эволюцией средиземноморской политики Европы с ее периодами спада и подъема. Она диктовалась и международной обстановкой в целом, и ситуацией в странах Средиземноморья. Не отрицая заметных достижений страны надо отметить, что основной движущей силой сотрудничества всегда оставалась Европа, определявшая и его уровень, и содержание.

Каким же образом разделенная в недавнем прошлом между Францией и Испанией страна смогла стать первым средиземноморским государством, получившим столь высокий статус в отношениях с ЕС?

В 50-е гг. европейские державы встали на путь сближения и интеграции. В связи с распадом мировой колониальной системы перед ними встала задача найти новые формы взаимоотношений со своими бывшими владениями. Это было отражено в Римском договоре 1957 г. об учреждении Европейского экономического сообщества, подписанном ФРГ, Бельгией, Францией, Италией, Люксембургом и Нидерландами. В документе отмечалось, что Сообщество призвано сотрудничать «с заморскими странами и территориями с целью расширения торговли и совместного содействия экономическому и социальному развитию». На основе Римского договора начался процесс институционализации отношений между ЕЭС и Марокко. Так, в 1969 г. Марокко и Тунис первыми заключили с Сообществом Соглашение о частичной ассоциации, которое имело форму договора о торговых преференциях [3]. В нем предусматривались меры по либерализации взаимной торговли и обоюдное обязательство применения принципа наибольшего благоприятствования. Соглашение охватывало только вопросы взаимной торговли определенными товарами и не затрагивало проблем экономического сотрудничества и предоставления финансовой помощи. В соответствии с этим соглашением Марокко добилось для себя снижения таможенных пошлин на некоторые сельскохозяйственные товары на 50—80%, а также преференций для вывозимых на рынки стран «европейской шестерки» марокканских промышленных товаров и кустарных изделий. Все они, исключая уголь, сталь и изделия из пробки, освобождались от таможенных пошлин и количественных ограничений. Однако качество марокканской промышленной продукции не позволяло ей реально конкурировать с западноевропейскими товарами, поэтому страна фактически не могла воспользоваться предоставленными ей льготами. Подчиняясь требованиям Общего рынка, Марокко было вынуждено предоставить странам ЕЭС встречные преференции, главным образом снизив тарифные и количественные ограничения на ввоз европейских промышленных товаров [4. С. 60].

В 1976 г. Рабат заключил с ЕЭС новое соглашение о сотрудничестве, которое, в отличие от предыдущего, включало положения не только о торговом, но также

и об экономическом, техническом и финансовом взаимодействии. Соглашение предусматривало полное освобождение от таможенных пошлин и количественных ограничений многих марокканских промышленных товаров, импортируемых странами Общего рынка. Оно не предусматривало встречных преференций (которые предоставлялись ЕЭС прежним Соглашением о частичной ассоциации), а содержало лишь обязательство Марокко применять в торговле со странами — членами ЕЭС режим наибольшего благоприятствования, из которого допускались исключения, вытекавшие из договорных отношений с развивающимися государствами.

Следует отметить, что королевство начало добиваться особого положения в отношениях с Европой еще в 1987 г., когда правительство находившегося в то время у власти короля Хасана II впервые ходатайствовало о приеме в ЕЭС. Несмотря на полученный тогда отказ, намерение монарха укреплять связи с европейским экономическим пространством стало очевидным для всех. На протяжении последующих 20 лет эта тенденция усиливалась не только из-за растущего внимания европейцев к своим соседям, но и благодаря политике нового короля Мухаммеда VI, с именем которого справедливо связывают курс на модернизацию и постепенную демократизацию страны. В этот период королевство с большим или меньшим успехом старалось поддерживать имидж «средиземноморского экономического дракона» и ключевого партнера интеграционных усилий ЕЭС в регионе. Показательно, что в 1994 г. в Марракеше завершился уругвайский раунд многосторонних торговых переговоров стран — участниц Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ). Подписанные тогда соглашения стали юридической базой для создания Всемирной торговой организации.

После окончания «холодной войны» и создания Евросоюза начался новый этап в отношениях между Севером и Югом Средиземноморья. Европейцы постепенно стали осознавать необходимость и возможность проведения единой и целенаправленной политики в отношении своих южных соседей. Примечательно, что вступивший в действие в 1993 г. Маастрихтский договор, провозгласивший одной из целей деятельности ЕС «ассоциацию с заморскими странами и территориями», в этой части полностью повторил формулировку Римского договора [1. С. 53].

От Барселонского процесса к новому статусу. Самой заметной вехой на пути реализации политики ЕС в Средиземноморском регионе стала состоявшаяся в 1995 г. в Барселоне Евро-средиземноморская конференция, где диалог по линии Север—Юг был поставлен на прочную основу. Принципы отношений были определены в Барселонской декларации, уникальность которой состояла в том, что ни под одним аналогичным многосторонним заявлением по Средиземноморью ранее не стояло такого количества подписей министров иностранных дел. Декларация 27 государств (15 членов ЕС и 12 неевропейских средиземноморских) зафиксировала новый, более высокий уровень отношений между ними. С этого времени все подписавшие документ государства стали именоваться «евро-средиземноморским партнерством», учрежденным для укрепления политического диалога на регулярной основе, развития экономического и финансового сотрудничества с упором на социальное, культурное и гуманитарное измерения. Очевидно,

что реализация такого крупного проекта была сопряжена с массой трудностей. Тот факт, что достижения 13 лет не соответствуют заявленным в Декларации целям, заставляет сомневаться в перспективах Барселонского процесса. Тем не менее все последние годы Марокко вместе с Тунисом, Иорданией и Египтом оставалось «Барселонским энтузиастом». Эту группу отличает активная роль в евро-средиземноморском процессе и большое внимание к региональной проблематике.

В 1996 г. Марокко и ЕС заключили Евро-средиземноморское соглашение, учредившее ассоциацию между Марокко и ЕС (соглашение об ассоциации), которое вступило в силу в 2000 г. и действует по настоящее время. По своему содержанию этот документ чрезвычайно схож с аналогичными соглашениями, подписанными Евросоюзом с остальными семью средиземноморскими партнерами, что позволяет называть его своего рода типовым. Он предусматривает сотрудничество по широкому кругу вопросов, в основном экономических. Так, важнейшей задачей ассоциации является обеспечение свободного передвижения товаров, услуг и капиталов. Принципиально новым моментом стало обязательство европейцев содействовать в проведении демократических преобразований в Марокко, реформировании госаппарата и борьбе с бедностью. Интересно, что почти сразу после вступления соглашения в силу, Мухаммед VI в ходе государственного визита во Францию сформулировал новую цель — «больше, чем ассоциация — меньше, чем членство» [5. С. 13]. С этого момента и началось движение страны к новому статусу в отношениях с ЕС. В частности, Рабат, стремясь внести свой вклад в развитие этого процесса, выступил на Евро-средиземноморской конференции в Валенсии в 2002 г. с инициативой учредить совместное председательство на самитах и конференциях государства в составе одного представителя от ЕС и одного — от средиземноморских партнеров. Предлагалось также создать постоянно действующую структуру, состав которой должен был отражать интересы партнеров Евросоюза. Спустя 5 лет это предложение легло в основу концепции Союза для Средиземноморья.

С 2004 г. на Марокко распространяется Европейская политика соседства — программа, появившаяся на очередном этапе расширения ЕС, когда возникла опасность возникновения дополнительных разделительных линий между Евросоюзом и его средиземноморскими и восточно-европейскими соседями. Задачей этой политики является «выход за пределы существующих отношений для углубления политических связей и экономической интеграции». С одной стороны, ЕПС похоронила перспективу вступления Марокко в Евросоюз в обозримом будущем. С другой стороны, в ходе совместной разработки с каждой страной-партнером отдельного плана действий была определена четкая повестка дня политических и экономических реформ, их кратко- и среднесрочные приоритеты. В последние 4 года подписанный сторонами План действий по выполнению Соглашения об ассоциации на период до 2010 г. оставался ключевым политическим документом, закрепившим взаимные обязательства сторон в наиболее конкретной форме.

Важной чертой таких планов является их дифференцированность, отражающая реальное состояние отношений с каждой страной, ее потребности и возмож-

ности. Так, План действий Марокко—ЕС позволяет понять, из чего исходят марокканцы, говоря о своем привилегированном положении и заметных успехах в сотрудничестве с ЕС в сравнении с прочими странами Магриба. Из него, в частности, следует, что королевство является первым среди остальных партнеров Брюсселя по ЕПС получателем европейской помощи в рамках Европейского инструмента соседства и партнерства, сменившего в 2007 г. программу MEDA-II. Этот факт марокканские правящие круги часто используют, желая подчеркнуть, что Евросоюз признает и поддерживает происходящие в стране преобразования. За период с 1995 по 2006 гг. объем европейской помощи королевству составил 1,64 млрд евро (программы MEDA-I и MEDA-II). По линии Европейского инструмента соседства и партнерства страна до 2010 г. получила 654 млн евро. Объем ежегодного финансирования программ помощи для Марокко с 2007 г. увеличился на 20% [7].

Марокканцы сотрудничают с Брюсселем по наиболее острой для большинства средиземноморских партнеров ЕС правозащитной проблематике в рамках подкомитета по правам человека, демократизации и надлежащего управления Комитета ассоциации. Одним из достижений сотрудничества в правозащитной сфере стала профинансированная ЕС деятельность Комиссии по справедливости и примирению, которая расследовала многочисленные факты внесудебных расправ над представителями оппозиции, совершенных в период правления Хасана II — отца правящего монарха. В результате ее работы были установлены ранее скрывавшиеся места массовых захоронений жертв политических репрессий, сотни марокканцев получили денежные компенсации.

Анализируя содержание вышеупомянутого Плана, нетрудно заметить, что Евросоюз относит Марокко к группе стран, которые дальше других продвинулись в переговорах с ЕС по созданию Средиземноморской зоны свободной торговли. Королевство отличает ответственный подход к осуществлению поэтапной либерализации торговли услугами и сельхозпродукцией. Особое значение для региональной интеграции приобрело заключенное в 2004 г. при политической и финансовой поддержке ЕС и действующее в полном объеме с 2007 г. Агадирское соглашение. Оно предусматривает создание между участвующими в нем Египтом, Иорданией, Марокко и Тунисом зоны свободной торговли, а также меры по поощрению промышленной кооперации между его участниками, в том числе для увеличения экспорта несырьевой продукции в ЕС. Усилия марокканцев по скорейшей реализации этого соглашения не раз получали положительную оценку в Брюсселе [8].

Отметим, что ранее было практически невозможно классифицировать страны региона, применяя европейские критерии развития общественно-политической и экономической сферы. Поэтому вполне справедливо утверждение, что именно ЕПС создала организационно-правовые предпосылки для изменения статуса Марокко в отношениях с ЕС, а также, как об этом говорится в Плате, для заключения нового привилегированного договора — Соглашения о соседстве, которое могло бы заменить действующее Соглашение об ассоциации, когда поставленные им

цели будут достигнуты. За 3 месяца до официального получения Марокко продвинутого статуса произошло весьма знаменательное событие в отношениях между ЕС и его средиземноморскими партнерами. 13 июля 2008 г. в Париже по инициативе председательствовавшей тогда в ЕС Франции состоялся учредительный саммит обновленного евро-средиземноморского партнерства, получившего официальное название «Барселонский процесс: Союз для Средиземноморья». Выступая в марокканском Танжере, президент Франции Н. Саркози назвал этот союз «великой мечтой, способной поднять весь мир». Он жестко критиковал сам Барселонский процесс, который, по его мнению, не достиг своих целей. В частности, Саркози заявил, что «провал был прогнозируемым с того момента, как приоритеты Европы переместились на Восток (*Европы*. — Прим. авт.). Провал был прогнозируемым с того момента, как торговля стала главенствовать в отношениях, в то время как абсолютным приоритетом должно было стать (*многоаспектное*. — Прим. авт.) сотрудничество». Показательны также следующие слова французского президента: «Наша большая ошибка состоит в том, что мы долго, слишком долго пренебрегали Средиземноморьем... Отворачиваясь от Средиземноморья, Европа и Франция полагали, что они отворачиваются от своего прошлого. На самом деле они отвернулись от своего будущего, поскольку будущее Европы находится на юге». Выход из такой ситуации виделся в учреждении совместно с другими средиземноморскими странами новой организации, причем вовсе не обязательно в рамках ЕПС и Барселонского процесса.

С открытыми претензиями Франции на лидерство в Средиземноморском регионе не согласился основной ее европейский конкурент — Германия. В Берлине вызвало опасение само название «Средиземноморский союз», предполагавшее создание структуры, в которой участвовали бы только государства, имеющие выход к Средиземному морю. Проект Саркози оставлял за бортом Германию и многие другие европейские страны. Противодействие идее Саркози со стороны Берлина привело к тому, что этот проект хотя и претерпел некоторые изменения, но получил статус общеевропейской инициативы, лежащей в русле Барселонского процесса. В новом Союзе участие стран Южного Средиземноморья в региональной политике расширено. Если в рамках Барселонского процесса единственной структурой, принимающей решения и финансирующей проекты, является Евросоюз, то в Союзе для Средиземноморья председательство и секретариат, чья задача — заниматься отбором и анализом проектов, будут совместными. Новизна состоит в том, что сотрудничество в рамках Союза будет строиться вокруг конкретных проектов и станет важной, но все же «дополнительной» главой Барселонского процесса.

При рассмотрении концепции Союза важно не упускать из виду и региональный контекст, поскольку дискуссии о будущем отношений вновь очень рельефно продемонстрировали основные средиземноморские противоречия. Традиционное соперничество североафриканских государств за неформальное лидерство (в частности, между Марокко и Тунисом, которые соперничали за право разместить на своей территории секретариат будущей организации) не осложнило про-

цесс реализации инициативы. Но вот позиция Алжира — главного оппонента королевства в западно-сахарском урегулировании — в очередной раз указала на наличие застарелых проблем, стоящих на пути «достижения мира и стабильности в регионе». Так, по мнению алжирского руководства, периодически использующего жесткую риторику в отношении Парижа, будущий Союз не должен заниматься нормализацией отношений арабских стран с еврейским государством, как это предлагал Саркози. Марокко же, исторически поддерживающее особые отношения с Израилем, напротив, никакой враждебности к участию Тель-Авива в новой структуре не проявило. Кроме того, серьезной проблемой стала позиция ливийского лидера, назвавшего идею Союза «проектом крестоносцев». М. Каддафи, например, заявил: «Если Европа хочет сотрудничать с нами, то для этого существуют Лига арабских государств или Африканский союз... Мы не приемлем ситуации, когда Европа будет договариваться с отдельной группой (*стран.* — Прим. авт.) [3. С. 119].

И тем не менее на этапе согласования состава руководящего органа Союза для Средиземноморья сторонам удалось, хотя и не без труда, выработать взаимоприемлемый вариант. Так, в ноябре 2008 г. на заседании министров иностранных дел стран Союза в Марселе было решено разместить генеральный секретариат организации в Барселоне. Такой выбор стал результатом компромисса между арабскими и европейскими государствами. Арабы согласились на размещение генерального секретариата в Испании в обмен на пост генсекретаря Союза, который им уступила Европа. Первый состав секретариата тоже компромиссный: в него вошли 5 заместителей генсека, представляющих Израиль, Палестинскую национальную администрацию, Грецию, Италию и Мальту. Марокко с самого начала поддержало французскую инициативу. Позиция Рабата и на этот раз была продиктована собственными национальными интересами, поскольку в связи с уходом с поста президента, всегда симпатизировавшего марокканцам Ж. Ширака, королевству потребовались дополнительные гарантии того, что Париж в период президентства Н. Саркози останется его главным союзником, особенно по западно-сахарской проблеме. Поддержав концепцию Союза, Рабат извлек максимум выгоды из ситуации, так как в конечном счете после согласования с остальными членами ЕС ее первоначального варианта сохранилось лишь то, что не противоречило главным целям Барселонского процесса. Кроме того, на фоне неоднозначного отношения к идее Саркози со стороны других стран Магриба Марокко вновь сыграло роль наиболее конструктивного и открытого для новых предложений партнера.

Значение и содержание нового статуса. Совершенно очевидно, что решение продвинуть статус королевства в отношениях с ЕС давно ожидалось и было встречено в Марокко с энтузиазмом. В официальных заявлениях это событие трактовалось как крупный успех на пути политико-экономического сближения с Брюсселем. Близкая к правительству пресса тиражировала выступления европейских политиков, трактовавших предоставленный статус как признание достижений марокканских властей в деле построения современного демократического

государства и их готовности повышать уровень двустороннего сотрудничества. Особо подчеркивалось, что новый статус соответствует марокканскому видению отношений с Европой, определенному королем Мухаммедом VI в формуле «больше, чем ассоциация — меньше, чем вступление». Заметим, что в течение 3—5 последних лет о получении продвинутого статуса говорилось как о событии среднесрочной перспективы. Предполагалось, что оно станет реальностью не ранее 2010 г., т.е. к моменту завершения всех мероприятий Плана действий. Принципиальное значение для марокканцев имеет и тот факт, что королевство добилось этого статуса раньше других стран — участниц Барселонского процесса, несмотря на противодействие Алжира и неурегулированность западносахарской проблемы. Подобная «конкуренция» за исключительность отношений с ЕС не афишируется, хотя и является общим местом в политическом сознании марокканской элиты. Различные оттенки авторитарного стиля правления в государствах южного Средиземноморья наряду с застарелыми проблемами в отношениях между «братскими арабскими странами» порождают обстановку постоянного соперничества, в котором Марокко в данном случае удалось одержать верх.

Новый формат отношений закрепляет за Рабатом статус привилегированного партнера Брюсселя по ЕПС и приближает его к уровню интеграции с Евросоюзом, которого достигли Израиль и Молдавия. По словам министра иностранных дел Марокко Т. Фаси-Фихри, наличие у страны такого статуса позволяет надеяться, что Королевство Марокко в будущем будет иметь с ЕС отношения, аналогичные тем, которые Евросоюз имеет со Швейцарией и Норвегией [9. С. 2]. И хотя это заявление адресовано скорее внутренней аудитории, марокканской дипломатии все-таки удалось выполнить на европейском направлении одну из своих задач: расширить спектр вопросов, по которым королевство участвует во внешней политике ЕС. Так, Рабат получает право участвовать в работе таких агентств ЕС, как Европол, Евроюст, Европейское агентство авиационной безопасности, Европейская инстанция по контролю над оборотом наркотических веществ и токсикоманией. Предполагается привлечь марокканскую сторону к разрешению кризисных ситуаций и активизировать ее участие в консультациях в рамках Общей европейской политики безопасности. Здесь необходимо указать, что подразделения марокканской армии уже несколько лет находятся в Боснии и Герцеговине в рамках операции ЕС по поддержанию мира. Кроме этого, создается смешанная комиссия в составе депутатов европейского и марокканского парламентов, планируется проводить регулярные консультации парламентских фракций. Рабат получил статус наблюдателя в Парламентской ассамблее Совета Европы. В марте 2010 г. в Гранаде (Испания) состоялся предусмотренный продвинутым статусом первый саммит ЕС — Марокко. Этот механизм активизации политического диалога предполагается приводить в действие регулярно.

В экономической сфере заявлено о намерении двигаться к «общему экономическому пространству» подобному тому, которое существует между Евросоюзом и Европейской ассоциацией свободной торговли. В его основе будет лежать всеобъемлющее соглашение о свободной торговле, упрощающее доступ марок-

канских товаров, главным образом сельскохозяйственных, на внутренний рынок ЕС. Бесспорно, такое решение не могло состояться без «лоббирования» марокканских интересов. Местная пресса не делает секрета из того, что новый статус получен благодаря поддержке председательствовавшей в то время в ЕС Франции, а также Испании. Париж и Мадрид полагают необходимым поддерживать баланс между восточным и южным направлениями ЕПС. В связи с этим представители Евросоюза постоянно подчеркивают, что продвижение статуса королевства лежит целиком в русле продолжения политики добрососедства. Нельзя обойти вниманием и экономическую сторону вопроса. Интересы французского капитала в стране очень обширны, а в ходе последнего визита Н. Саркози в Марокко в 2007 г. было объявлено о новых крупных контрактах. Испания же в 2006 г. явилась главным вдохновителем и бенефициарием соглашения ЕС и Марокко в области рыболовства. Тогда Мадрид, несмотря на сомнения и возражения северо-европейских стран при ратификации соглашения, смог убедить большинство, что документ соответствует принципам международного права. Кроме того, в центре внимания французов и испанцев находятся вопросы регулирования миграции, борьбы с наркотрафиком и религиозным экстремизмом, прогресс в которых невозможен без подключения Марокко к механизмам разработки общей стратегии по этим направлениям.

Рассматривая магрибинский аспект нового качества отношений Марокко—ЕС, необходимо отметить, что в последнем решении европейцев читается косвенная поддержка позиции королевства по западносахарскому урегулированию. Если бы это было не так, то государство, юрисдикция которого в отношении Западной Сахары является, по меньшей мере, спорной, никогда бы нового статуса не получило. Тем более что вопреки никем не отмененному решению ООН Рабат выступает категорически против проведения в Западной Сахаре референдума, на котором ее население могло бы высказаться по вопросу о будущем этой территории, в том числе и проголосовать за независимое государство. С 2007 г. марокканцы на международном уровне весьма активно отстаивают идею предоставить Западной Сахаре расширенную автономию в составе королевства. По версии Рабата, население Западной Сахары может выразить свою волю и в соответствии с действующим в королевстве законодательством. Разумеется, в Марокко полагают, что получение продвинутого статуса означает для страны и поддержку ее варианта разрешения сахарского конфликта. Получив от ЕС такой козырь, Рабат укрепил свои позиции в противостоянии с Алжиром — самым активным сторонником независимости Западной Сахары. Хотя Евросоюз официально не вовлечен в это урегулирование, время от времени Брюссель все-таки критикует Рабат за нарушения прав человека на этой территории. Представляется, что в своем новом положении Марокко будет еще менее восприимчиво к возможным упрекам по поводу недемократичности своей западносахарской администрации.

Итак, «продвинутый статус» в отношениях королевства с Евросоюзом имеет очевидные исторические и современные политико-экономические предпосылки. Он является несомненным достижением страны на пути интеграции в европей-

ское экономическое пространство, подтверждая важную роль стабильного и умеренного курса Рабата в реализации идеи евро-средиземноморского партнерства в Западном Средиземноморье. Полноценное использование нового положения королевства будет зависеть от того, насколько оно окажется способным выполнить свои прежние обязательства перед европейцами и в какой степени Брюссель сможет финансово и организационно обеспечивать эффективную реализацию новых совместных проектов Марокко и ЕС.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Единый Европейский Акт. Договор о Европейском союзе. — М., 1994.
- [2] Ковальский Н.А. Средиземноморская политика Европейского союза // <http://www.edc.spb.ru/activities/conferences/40years/kovalsky.html>.
- [3] Мохова И.М. Французская инициатива Средиземноморского союза. — М.: ИВРАН, 2007.
- [4] Фитуни Л.Л. Марокко. — М.: Мысль, 1985.
- [5] Le Maroc et l'union européenne // Ministère des Affaires et de la Cooperation du Royaume du Maroc. — Rabat, 2008.
- [6] Les intégrales de l'investissement-2007 // Selection Documentaire. — Rabat, 2008. — P. 119.
- [7] Le cite officiel de la Délégation Européenne au Maroc — 2008 // <http://www.delmar.ec.europa.eu>.
- [8] Le cite officiel de la Group technique de l'Accord de Agadir. 2010 // <http://www.agadiragreement.org/presscoverage>.
- [9] Le Matin. — 2008. — 31 octobre.
- [10] Мухаммед Брас, Мухаммед Амтат // Халяту аль-Магриб 2007—2008. — Рабат, 2008 (на араб. яз).

MOROCCO AND EUROPEAN UNION: NEW LEVEL OF THE RELATIONSHIP

K.S. Konkin

Ministry of Economic Development of Russia
Pervaya Tverskaya-Yamskaya str., 3, Moscow, Russia, 125993

The article considers the actual state of integration process between Morocco and European Union. It studies the objective conditions and driving forces of the both sides' willingness to cooperate more closely in the framework of the Euro-Mediterranean process.

Key words: Morocco, European Union, Mediterranean, cooperation, Euro-Mediterranean process.